

1. Повелительное наклонение /императив/

Повелительное наклонение халхаского наречия можно обнаружить как в письменном языке¹, так и в других известных монгольских диалектах и наречиях². Но ничто не свидетельствует о наличии суффикса в этой форме.

Повелительное наклонение без окончания все-таки является общим свойством современных монгольских языков и древне-монгольского языка. Повелительное наклонение считается той формой, от которой образуются все другие глагольные формы путем присоединения соответствующих суффиксов.

Это в какой-то степени верно только в том случае, когда перед обучающимся хотят непосредственно "образовать" формы спряжения, рассматривая их исторически, как уже существующие и образованные не от повелительного наклонения.

Все же прежние грамматиксты считают эту форму только

---

* Настоящая публикация является извлечением из труда выдающегося финского монголоведа Г.И.Рамstedта "Über die Konjugation des Khalkha-Mongolischen. Helsingfors. 1903."

Известный алтаист Г.И.Рамstedт исследовал глагольные формы халхаского наречия монгольского языка в сравнении с другими монгольскими, а также тюркскими и тунгусо-маньчжурскими языками.

Существующие различия в терминах, выражающих одни и те же понятия, между автором данной публикации и авторами монголоведных лингвистических трудов позднего периода, объясняются разницей во времени.

Необходимость публикации настоящего исследования вызвана тем, что названная книга Г.И.Рамstedта в настоящее время стала библиографической редкостью.

Перевод с немецкого на русский язык осуществлен преподавателем немецкого языка Казанского государственного университета Г.С.Биткеевой.

как форму единственного числа, подобное ограничение не оправдывается ее употреблением на письме, когда эта форма выражает приказ, направленный к одному или нескольким лицам³, а еще меньше не оправдывается ее употреблением в современных диалектах. Как известно, подобная, бессуффиксальная форма повелительного наклонения имеется также в тюркских и маньчжурских языках.

И. Побудительное наклонение. / ПРЕСКРИПТИВ /

Из окончаний побудительного наклонения, заднеязычного ряда - $\bar{a}r\bar{a}$ и переднеязычного - $\bar{e}r\bar{a}$, первый восходит к более древнему - $\bar{a}rai$ ⁴.

Согласно фонетическому закону, ему, т.е. - $\bar{a}rai$, параллельно противопоставляется переднеязычный - $\bar{e}rei$, который в современном языке встречается как - $\bar{e}r\bar{i}$, Окончание - $\bar{e}r\bar{a}$ является возмозжением, опирающимся на - $\bar{a}r\bar{a}$ и в обоих случаях мы имеем один и тот же главный - $\bar{a}$, как в - $\bar{a}r\bar{a}$ и - $\bar{e}r\bar{a}$, так и в - $\bar{a}r\bar{a}$.

Более древний халхаский суффикс - $\bar{a}rai$ встречается в этой или соответственно в подобной звуковой оболочке во многих бурятских диалектах и даже в камыцком. Кастрен⁵ /стр. 44 ГЗЛ/ сказал следующее о бурятском языке: "Наряду с окончанием повелительного наклонения - $i\bar{a}$ встречается диалектное - rai у глаголов, оканчивавшихся на гласную или на согласные t , r , $\bar{t}$, s , при этом выступает форма - $\bar{a}rai$ и - $\bar{e}rei$ ". Приведенные им примеры⁶ однако не обнаруживают ни - rai , ни - $\bar{a}rai$, ни - $\bar{a}rai$: $a\bar{l}\bar{a}rai$, $pe\bar{m}\bar{e}rei$, $\bar{o}rg\bar{o}r\bar{o}i$, $a\bar{i}g\bar{a}rai$. Орлов⁷ пишет, например, $a\bar{l}\bar{a}rai$, однако это можно читать также и как $a\bar{l}\bar{a}rai$, потому что не принято в должной степени во внимание количество /гласного/; но ведь встречаются, например, также $abu\bar{r}\bar{a}i$, $ga\bar{r}\bar{u}k\bar{a}i$, $\chi\bar{u}r\bar{u}r\bar{e}i$, которые действительно выступают как примеры с окончанием - rai .

В бурятской сказке, записанной молодым исследователем А. Рудневым, я нашел написание $abu\bar{g}\bar{a}ra$ ⁸, которое опять-таки свидетельствует о существовании варианта - $\bar{a}ra$ /или

точнее - $\bar{a}r\bar{a}$?/. Из калмыцкого языка до сих пор только известен - $\bar{a}r\bar{a}i$ ⁹. Встречаются ли эти изменяемые формы также и в других диалектах, например, в южномонгольском, я еще не могу это утверждать. В ранних литературных трудах они не встречаются, также и в более поздней литературе. Вышесказанное пока недостаточно освещает лишь вопрос об общности и распространении прескриптива внутри монгольского языка.

То обстоятельство, что его существование не доказано в южномонгольском языке, обращает на себя внимание северной языковой сосед - якутский язык. Там имеется императив /повелительное наклонение/ на - $\bar{a}r$ и - $\bar{a}ryi$ где - $y\bar{i}$ является усиливающим значение конечным звуком ¹⁰. Подобные усилители встречаются в конце слов и предложений, являются обычными и в монгольском языке ¹¹ и тогда - a в - $\bar{a}r\bar{a}$, - $\bar{e}r\bar{a}$ можно также рассматривать как застывший здесь конечный звук.

Это предположение достаточно подтверждает появление - $\bar{a}$ /или - $\bar{e}$, $nem\bar{e}r\bar{e}$ у Кастрена/ вместо ожидаемого - $\bar{i}$. Здесь следует учесть еще одно обстоятельство. Во многих бурятских диалектах ¹² встречается подобное образование во множественном числе от прескриптив, особенно в тех диалектах, где бенедиктив как форма множественного числа отнесена к повелительному наклонению; итак, $ala : ala\chi\bar{t}ui = al\bar{a}rai : al\bar{a}rtui$. Как видно, ко времени образования слов типа $al\bar{a}rtui$ только форма $al\bar{a}r$ воспринималась как прескриптив ¹³.

Так как со всей очевидностью мы можем написать * $\bar{a}r$ / - $\bar{e}r$ / как "основную форму" в - $\bar{a}r\bar{a}$, - $\bar{e}r\bar{a}$, поэтому этот суффикс совершенно совпадает с якутским суффиксом повелительного наклонения. Если написание, согласно Орлоу $garur\bar{a}i$, $d\bar{u}r\bar{u}r\bar{e}i$ и др. является правильным, то в монгольском языке предполагается /существование/ второй, "основной формы" - r . Нет необходимости останавливаться подробнее на данном исследовании о существовании этого суффикса - $r \sim -\bar{a}r < -\chi ar$ в тюркско-татарских диалектах, так как Бётлинг ¹⁴ уже сравнил эти якутские и монгольские формы

повелительного наклонения о уже известными "причастиями настоящего времени" и "временными основами" на (-y)-r~(y)-z для "настоящего" и -ar~-az для будущего¹⁵. Как свидетельствуют эти языки, первоначальный суффикс -r / ~-z / и тюркский -a-, монгольский -ya относятся к первоначальной глагольной основе /см. ниже опитатив -желательное наклонение/. Сюда относится, конечно, также "причастие настоящего времени" на -ra / -re , -ro / o предшествующим гласным в маньчжурском и нерчинско-тунгусском языках¹⁶. В маньчжурском языке¹⁷ этой глагольной форме придается часто значение императивного или, точнее, значение повелительного наклонения будущего /в будущем времени/. В других тунгусских диалектах встречается много рода претеритивный суффикс -ri /суффикс -ri¹⁸ для обозначения прошедшего времени/, потому есть вероятность, что маньчжуро-нерчинское "причастие настоящего времени" развивалось под влиянием монгольского и даже монголо-тюркского происхождения. Противопоставление тюркского -ar и маньчжурского -ra является неверным и частично необоснованным. Это противопоставление выявлено еще Фр. Мюллером в его "Очерках", II 2 с. 264.

Одновременно следует отметить, что в монгольском языке сюда еще относятся сплунум - отглагольное окончание -r -a , который упоминался до сих пор только в староперсидском языке и правильно идентифицировался еще Бобровниковым¹⁹ с тюрко-татарским "инфинитивом" на -ra / = дат.пад. от -r - именного/, а также "preparative герундий" на -run или -r -un , который считается как родительный падеж того же самого -r -²⁰, что на деле может быть только именительным падежом. Кстати невозможно обнаружить в монгольском языке генитив /родительный падеж/ употребленный как наречие и мы до сих пор имели дело с вторичным образованием основы. Окончание -un = -ün является как в монгольском, так и в маньчжурском языке, таким частым вторичным явлением именных форм, что нет необходимости об этом говорить подробно. См. некоторые примеры у Радлова "Фонетика", § 295,

Что обобщить вышесказанное, мы можем констатировать существование в халхаском побудительном наклонении маньчжуро-монгольско-тюркского первоначального суффикса $-r / \sim -z /$ и наличие дополнительной $s-\gamma a$ /маньчжуро? -/ монголо-тюркской глагольной основы. О конечных $-ai \sim -a$ в конце слова ом. желательное наклонение /оптатив/ и временные формы.

III. Сослагательное просительное наклонение / ПРЕКАТИВ /

Как своеобразная синтаксическая особенность сослагательного просительного наклонения упоминается энклитическое присоединение к нему личных местоимений $t\dot{s}i$, ta ²². Подобное употребление личных местоимений, когда совершенно очевиден переход $t\dot{s}i > -t\dot{s}$, $ta > -t$, реже $bi > -p$, $bi\dot{n}$ / $\dot{D}\dot{e}$ / $> b\dot{D}\dot{e}$, можно наблюдать и у других форм слова, но ни в коем случае не общепринятых. Я написал очень мало таких примеров, как nas $\chi\dot{e}v$ $\chi\dot{u}r\dot{e}-p-t\dot{s}$ 'Сколько тебе лет' и $arwvn-na\dot{e}mp$ $\chi\dot{u}r\dot{e}-w\dot{i}-p$ 'Мне 18 лет /по монгольскому исчислению, по нашему же 17 лет/'.
Здесь в халхаском наблюдаются отдельные случаи уже древнего и в то же время обновляющегося явления. Энклитическое становление основывается здесь на добавлении, которое вносит уточнение объясняющих слов, как это имеет место во всех языках, а в монгольском также подчеркивает это и подлежащее, например, $eng\dot{a}d\dot{z}$ $\chi\dot{e}ll\dot{e}d\dot{z}$ $\chi\dot{a}n$ 'так сказал он, а именно Хан' = 'так сказал Хан' bi $jaw\dot{n}$ bi 'я иду, я' = 'я иду'. Выдыхание потока воздуха и связанный с ним глубокий регистр вызвали в обычных случаях как следствие фонетического характера ослабление и исчезновение гласных.

Это особенное явление в бурятских диалектах, где они чаще всего уже обобщены, поэтому легко наблюдать за ними, именно на этом явлении основано также и "личное спряжение" многих других языков. По какой-то еще неясной причине /бурятское влияние²² просящего тона?/ такие добавления стали обычными также и в халхаском сослагательном просительном

наклонении.

Что касается самого сослагательного просительного наклонения, то он стал известен из бурятского с одинаковым употреблением и значением. По Кастрену, его окончанием является $-is$ /неточно для $iš$ /, по Орлову, в ед.ч. $-yš$ и $aiš$, $eiš$, во мн.ч. $-yt$ и ait , eit . Более ранние работы не обнаруживают таких форм и в калмыцком, я их тоже не нахожу, чтобы они где-то упоминались. Если бы положение Бобровникова оправдалось относительно $ya - bu - hai$ в документах Дармабала и Буянту²³, то можно было бы это сослагательное просительное наклонение признать также и как ижно-монгольское, но, к сожалению, это не имело места. Возможно, что будущие исследователи обнаружат эту глагольную форму также и в других монгольских диалектах.

Если отделить от $-ā$ $-tš$, $-aiš$, $-yš$ и $-āt$, $-ait$, $-yt$ "личное окончание" $-š$ и $-t$, то окончанием сослагательного просительного наклонения везде будет $-ā \sim ai$ / $\sim i < *ai$ /. Это окончание долгого гласного, как и другие, восходит к $*ya \sim *yai$, который подвергся стяжению с конечным звуком основы; после долгого гласного стало $-ya > -g_a$, которое изменилось в $-g_ā$ при установлении формального единства. Вопрос заключается в том, является ли это окончание первоначально конечным гласным $-ā \sim -ai$ межтометного происхождения, тогда бы эта форма была = /равнозначна/ повелительному наклонению с $ā$ / $\sim ai$ в бурятском/, или является ли долгий гласный особым глагольным образованием, тогда бы мы имели основу потентатив в повелительном наклонении²⁴.

Эти вопросы являются весьма трудными, чтобы решить их сегодня, имея скудные знания о монгольских диалектах. В пользу последнего предположения говорит упомянутое Бобровниковым отрицательное образование повелительного наклонения на $-ba$ / $-bā$ /, которое не встречается в халхаском языке, которое употребляется "всегда" с "личным окончанием", так как оно предполагает якобы особую основу²⁵. В пользу первого предположения говорят одинаковые формы и значения

этого ослабительного просительного наклонения с якутским усиливающим повелительным наклонением на -yī, -ii, -ui, -üi, которые содержат по Ястремскому ²⁶ /"вопросительную частицу"/?. Срав.: бурят. jab-ai : jabār-ai с якутским bys-yī : bysār-yī.

IV. Бенедиктив

Это наклонение нам известно из многих диалектов. В бурятском оно является обычной глагольной формой, его употребление и значение не такое деликатное как в халхаском. В некоторых бурятских наречиях, по Кастрену²⁷ и Орлону²⁸, формы на -tui и -xtui с ta ассоциируются с подлежащими, с повелительными наклонениями, для которых šī (= халх. tši) мыслится как подлежащее и потому выдается за 2-ое лицо мн. числа повелительного окончания. Прескриптив сконбинировано с окончанием бенедиктив во 2-ое лицо множественного числа Прескриптив. Предикательное наклонение: итак, после ab : abtui, также *abār : abārtui или после ab : abuxtui, а также abārai : abāraixtui. В калмыцком языке бенедиктив образуется с -tun, -tan, а на письме передается монгольской орфографией²⁹. А также в подговорах находятся примеры бенедиктив на -tun /-ton / в /Рухсат/ Кетона "позвольте мне" / Phrase # 26/.

Во всех диалектах, наверняка, есть примеры, в которых окончания бенедиктив восходят к более древним *gtun и *gtui. Подобные окончания, являющиеся основными формами суффикса в халхаском наклонении бенедиктив, и регулярно заменяются на -xtun > tṛ а также *xtui > tṛi, часто встречающихся на письме, а от них заимствованы -atṛ, -atṛi, которые относятся к более высокому стилю. Но встречается также и другое правописание, как -dquṇ, -gdquṇ, -daqui и -taquṇ³⁰. Какие из этих пестрых орфографических вариантов относятся к старописьменному языку и какие припадают к разговорному диалекту или же являются только орфографическими мудрствованиями, почти невозможно установить. Однако верно то, что -gdaxui полностью совпадает

с именным будущим основы страдательного залого на -гда - и не отталкиваются друг от друга и правильно или неправильно на это, но они идентифицируются³¹. На этой идентификации основываются также -daqui или taqui, из которых последняя, также как и tuqai, может быть неверной реконструкцией. Следовательно бы еще спросить, является ли на деле бенедиктив только эманицированным именным будущим основ страдательного залого. На этот вопрос следует ответить отрицательно, так как едва ли возможен этот переход -гдаqui или -qtaqui > -at'i. Возможно, что -гдаqui / qdaqui / можно быть смещено в -at'i, но тогда следовало бы ожидать долгое -adū / или -adā /³². Скорее всего -at'i может быть сослагательным - волеизъявительным /желательным/ наклонением: ta jawoq't'i = ta jawoq'ri 'Вы должны быть выжили'. Значение подходит хорошо, тогда вариант -at'e остается недолгим, хотя употребительным, и примеры можно привести из более ранних времен. В Дамь-Час-Ми-Ши мы находим один за другим формы бенедиктива, на -dqun и -qtun, формы которых не восходят к сослагательному-волеизъявительному наклонению. Мнение Кастрена не является убедительным, что -ktui якобы образовано от "3-го лица", т.е. нашего уступительного, потому что уступительное первоначально оканчивалось на -gi, и вторичное -tun ~ -tui также не доказано. В отношении истории этого окончания имеются разные варианты - *g.tun ~ *g.tui восходит к одной форме /ср. именное будущее *-kun ~ *kui ~ *ku, желательное наклонение - *sun ~ *sui ~ *su, волеизъявительное -ju ~ фактически / а /-jun и др. В якутском есть повелительное наклонение /3 л., ед.ч./ на -yaχtun, -iaχtin³³ и др. По Бетляну эта якутская глагольная форма образовалась из именного будущего на -yaχ и личного окончания -tun / тюркско-монгольское -sun /. Если это действительно так, то эти образования не имеют ничего общего друг с другом, так как для якутского именного будущего нет эквивалента в монгольском языке и невозможно рассматривать как заимствованный из якутского старый и широко распространенный бене-

ДЛЯТЯВ.

История Бенедиктив мне еще не ясна, несмотря на много точек соприкосновения.

У. Уступительное наклонение / КОНДИССИМ /

Уступительное наклонение имеется не только в халхаском, но и в бурятском, где его окончание -gi или -k³⁴-gi. В письменном монгольском языке и в казахском уступительное наклонение не обнаружено. Эту глагольную форму называют в грамматиках "3 лицо ед.ч. повелительного наклонения", что не относится к халхаскому языку и не является для бурятского. "Я" и "мы", а также "ты" и "вы" или "Их" могут быть в некоторых случаях рассматриваются как подлежащее³⁵.

Уступительное наклонение пока что утверждается только как северомонгольская глагольная форма. Кроме монгольского оно еще встречается в тунгусском, чья - gin , - kin множ.ч.чло - gitin , - kitin³⁶ совершенно совпадает с халхаским - gi . Даже с этим /книжкой/ словом маньчжурские -ki и -kini , которые образуют по Захарову повелительное наклонение "2" и "3" го лица³⁷, в действительности же имеются примеры для всех лиц. В наличии этимологической связи между тунгусско-маньчжурским и халха-бурятским уступительным наклонением я совершенно уверен, хотя я не могу сказать в каком языке оно является первоначальным. Говоря о других сходных контактах, можно будет принять такое первоначально общемонгольскую форму на - gi и можно, вероятно, говорить о связи этой глагольной формы "в распространенном повелительном наклонении" на -gil /-yil , -kil qul / или -gir / -yur / и т.д. в тюркских языках³⁸.

УІ. Келетельное наклонение / СИПАТИВ /

Из современных окончаний келетельного наклонения -āzā и -ās³⁹ более ранним считают -āsai , так как конечный -ā в словах с гласным заднего ряда всегда образован от -ai . Напротив, -ēsā не происходит из соответствующего -ēsei /, -ei , дает -i , см.отри SU § 58,2,

-а базируется на близком прищипывании к гласному заднего ряда - $\bar{a}s\bar{a}$, таким образом, - $\bar{a}s-\bar{a}$ и $\bar{e}s-\bar{a}$ /сравни. прескриптив/.

В литературе желательное наклонение $jav\bar{a}s\bar{a}$ встречается в различных формах с написанием 1/ $jabusai$, $jabasai$, 2/ $jabugasai$, 3/ $jabusugai$ и 4/ реже $jabugasugai$. Очевидно, что все эти орфографические обозначения для - $\bar{a}s\bar{a}$, $\bar{a}s\bar{e}$ калхаского совершенно верны. В калмыцком также встречается желательное наклонение на - $\bar{a}sai$, - $\bar{e}sei$ и Кюстрен нашел в бурятском "условное" на - $\bar{a}ha$ /? а также - $\bar{a}h\bar{a}$, - $\bar{e}h\bar{e}$ /⁴⁰. На существование желательного наклонения в различных независимых монгольских диалектах уже, конечно, указано, и мы можем эту глагольную форму признать как общемонгольский языковой запас.

Наряду с - $sugai$ на письме в том же самом значении встречается более короткий - su , который идентифицирован еще Шмидтом⁴¹ с вариантом - $sugai$. Этот - su известен также и в бурятском, но отличается от - $\bar{a}sai$ тем, что ему предшествует краткий гласный, т.е. $jab\bar{a}ha$ но $jabuhu$, $nem\bar{e}he$ но $nemehu$. То же самое имеет место в калмыцком, где $\bar{o}g\bar{o}s\bar{o}i$ и $\bar{o}g\bar{e}i$, $jab\bar{a}sai$ и $jabusu$ противопоставляются друг другу. Так как и письменному языку свойственно это суффиксальное образование с отсутствием гласного, что подтверждается $\bar{o}gs\bar{u}gei$ и $\bar{o}gs\bar{u}$, $bolsugai$ /наряду с $bolsugai$ / и $bolsu$ и др. Появление - ^{a} является особенно частым в Юан-Чоу-биши, например, $a-sa-khu-ha-su$ 'если спрашивают', $\bar{o}-gu-he-su$ 'если дают' и другие подобные встречаются в позднем монгольском письме, например, $b\bar{u}ges\bar{u}$ 'Если это есть' ижномонг. $b\bar{o}s$, $b\bar{o}s$. И если я еще упомяну, что в некоторых брошюрах из Алашана имеются вместо - su и - $sugai$ обычными являются окончания - sun и - sui ⁴², тогда мы можем обобщить с следующим образом относящиеся сюда словоформы, которые существуют в письменном и в разговорном монгольском языке:

I. C - ^{a} su / - sun , - sui /: а/ пишется ja-

бузу , произносится jabusu ; б/ пишется ja-bu-
 ha-yu , произносится jabāsu
 2. С -^{*}суха или -^{*}сухай : а/ пишется jabasaɣai ,
 произносится jabusa /бурятский/; б/ пишется jabuɣa-
 suɣai < ^{*}jabuɣasuyai халх. jawāsā

Для желательного наклонения и ему подобных образований /волинтативного, повелительного наклонений I и 3 лица условного/ имелись две основы в общемонгольском языке а/ коренная основа ^{*}jabu- и б/ расширенная основа потенциал jabuɣa- , пишется jabuɣa- , новомонг. jabā- и два суффикса: I/ -^{*}su наряду с -sun и -sui и 2/ расширенное с помощью ai ~ yai - suyai . Вариация основ ^{*}jabu ~ jabuɣa известны нам из побудительного наклонения и, вероятно, имеются также в бурятском именном перфекте jabāsaɣ . Довольно редким оно является в монгольском языке, но чаще встречается в тюркских языках, где тоже они трудно объяснимы, как и в монгольском языке⁴³. Поэтому мы должны довольствоваться упоминанием этого монголо-тюркского соответствия. Суффиксы -^{*}su / -sun , -sui / и -^{*}суɣa(i) > -sā, -sai распространены во многих областях. Наряду с -su , -sun имеются: в тюркских языках -sun / -syn, -sün, -sin /, основная форма это -sun , которая встречается как окончание 3 лица единственного числа повелительного наклонения и может иметь звучание в алтайском и койбальском языках⁴⁴ -zen , -sen и т.д., в якутском⁴⁵ -dun , -tun и т.д., далее -su ~ -so в маньчжурском, которые должны обозначать окончание повелительного наклонения и образуют довольно обычную глагольную форму⁴⁶. Расширенное -^{*}суɣa > -sā встречается также вне монгольского. Мы вспоминаем, что Кастрен alāsa называл "условным". Этим можно сравнить окончание -sa условного наклонения тюркских языков /османское, кумыкское, уйгурское и др. -sa , койбальское -sa , -za⁴⁷, чувашское -san⁴⁸. Приведенное в этих языках окончание -sar / в орхонских письм. якутском -dar , -tar и т.д.⁴⁹/ являются старым примыканием к причастию

настоящего времени на -сг или же это -г одинаково яново-го происхождения как и окончание месячного падежа /месяца/ старомонгольского -dur, наряду с -da вост. известных теперь монгольским и тюркским диалектов и -di тулгусского /X век в киргизском -yur-, монгольского -gi-, см. устулительное?/.

Здесь уместно назвать желательное наклонение /опитатив/ на -tuɣai⁵⁰. В новом халхаском наречии местоимение образовано от чаго запретительное bütügei /bitügei />vi'təgi, -gə, -gä 'оставь' не! и baituɣai >väč'təg.ä 'оставь как есть' от бүкү 'быть' и байгу 'оставаться, быть'. Встречаются также völt'əg.ə 'пусть станет' и в киргизском учебник мужей бывает еще другие подобные слова, но они заимствованы из иезика и не являются исконными. vi'təgi и väč'təg.ä искажают, однако, что мы должны иметь дело с суффиксом -tuɣ.ä или -tuɣai, а не с -tuɣai /ср. -tuɣai > -sai, -sa /. То же самое подтверждает также примеры из квадратной письменности, например, ai-da-tu -khai /на доске Везогурова/. Несколько подробнее об этом суффиксе я не сообщил, что мог бы восходить к первоначальному -*tuɣ. Вероятно, в этом можно увидеть двойную форму тюркского именного действия на -duɣ / = монг. -*dag, см. именной узус/.

Дубитатив на -üɣz.ə будет рассмотрен в связи с именным будучим.

III. Желательное наклонение / ВОЛЕНТАТИВ /

Глагольная форма халхаского наречия, которая приведена под названием волентатив /наклонение желательное/, она известна /многим/ грамматистам, но каждым из них понимается и трактуется несколько по-разному. Если подвести краткое резюме, то по Шмидту⁵¹ и даже по Ковалевскому⁵², следует -ju "3 единственное, множественное число будущего времени" и -ja "I множественного будущего", согласно Покову⁵³ -ju "ближкое будущее", -ja "I множественное число опитатива". Бобровников⁵⁴ и после него Котвич⁵⁵ рассматривают -ju

как "наст.вр. изъяснит.наклонения II" /с дополнит. значением "долженствования" и -ja - как "I множественное повелительного наклонения /всперетва/" и "как исключение" также "I единственного числа повелительного наклонения"⁵⁶. Востря рассматривая только -ja /-je / как "I лицо множественного числа повелительного наклонения" со значением, что эта форма является как бы монгольским заимствованием в бурятском языке⁵⁷. Орлов понимает точно также, только он кажется считает эту форму распространенной во всех бурятских диалектах⁵⁸. Витая Селтей же воспринимает -ya, -ia, и -i как свойственную всем лицам⁵⁹.

Суффиксы -ja и -ju понимаются постоянно как два совершенно различных суффикса. Однако я считаю, что они могут быть сопоставлены друг с другом. Первоначальным суффиксом повелюю является именно -ju или -j /-i /, который изменил обрмонгольское -ju /или -ji /, сравните, повелительное наклонение прошедшего времени -zu < -d'i и написание -ja или -i-a передает более поздний вариант разговорной речи -jā, т.е. -jū-ā/~āi /. Если бы окончание -jā было более ранним, то окончание должно было встречаться на письме что-то вроде -jugai /сравните, -sā ~ -sugai, -dā ~ -ziqui/. Конечный гласный -ā является тем же самым междометным или, если хотите, звательным гласным, который нам уже известен по многочисленным уже рассмотренным случаям: см. §11 §49. Этот гласный отсылается здесь не к собственному окончанию, а является как-бы эмфатическим усилением, чем-то совсем вторичным.

Следовательно, я считаю, что мы здесь исходили от "настоящего будущего" на -ju или -ji со значением "долженствования". Это значение и форма имеет также именно "настоящее II" на -ju, -i литературного языка. Более краткий вариант -i никем из грамматистов не упоминается, но встречается в литературе: ezelei, jabui, bolui, bui /~*bui /, ср. bui, buju, а также встречается в записанных халхаских словах как äes'i, приближаясь к wī ~wī и bīwī "есть", единственное остаточное явление этой формы

"предметное будущее" со значением изъявительного наклонения. Это "предметное будущее" становится, напротив, все употребительнее в повелительных предложениях и известно во всех диалектах как воликатив или императив: "я хочу" или "мы должны", сравните, англ. I will ~ you shall . Исходя из ограниченной функции самой формы придали значение повелительного наклонения, а вместе с усиливающим -ā воспринималась как новая форма.

Итак, халхаское -ī является < -(ü)jü и ijā < -(ü)j-α. Примеры из наречий этого старого общемонгольского образования. в ketona kiwarch ya халхаское xi'tg (ki· персональное, "что" /or'ts'ija "разрешите мне уехать"⁶⁰. Общемонгольское *jü , *ji мы можем подкрепить примерами общетюркского -α-jyn, -ä-jin /Орхон/, который известен как окончание "I лица единственного числа будущего времени" или "повелительное наклонение" или "желательное наклонение"⁶¹. Краткий гласный ü монгольского языка соответствует очень часто y(i) в тюркских языках, конечный гласный которого -n является вторичным и такого же характера как и в монгольском *su - тюркское -sun . Начальный гласный -α /-ä / тюркских языков, вероятно, относится к основе потенциального наклонения, кстати, сравнивая монгольское *si~ с тюркским -α-sy /см. именное наклонение возможности!/. В маньчжурском языке я не могу указать на наличие этого суффикса, так как мне не известны изменения *j- в середине слова в этом языке. Первичный суффикс *jü /или *ji /, продолжавший функционировать как воликативный является, таким образом, по крайней мере монголо-тюркским.

УИ. Потенциальное наклонение / ПОТЕНЦИАЛ /

Глагольные формы, оканчивающиеся на - mpx ~ -mтs в современном халхаском языке прошли полное развитие, начало которого ощущается в письменном языке. Самое обычное настоящее время письменного языка имеет окончание -mui . Наряду с -mui встречаются также -mi и даже -m /при-

соединяясь к более позднему народному языку/. Об этом более точные сведения даны грамматистами⁶². Этот -*mi* - настоящего времени часто бывает связан с частицей *za* / *ze* / "конечно" в письменном языке⁶³. Слово *za* / = халхаское *za* - *za* / в таких соединениях стало энклитическим⁶⁴. На письме мы имеем варианты как *jabumiiza* и *jabumiza*, так и *jabulza* и этому последнему полностью соответствует халхаское потенциальное наклонение.

Простое настоящее на -*mi* как форма спряжения утратилась во всех известных сегодняшних диалектах. Ламы и миряне, знакомые с грамотой, употребляют такие формы, чтобы похвастаться своей ученостью и даже заведено, что все изложенное на письме от настоящего времени на -*mi* оформляется этой устаревшей формой, а в живом разговорном халхаском языке я обнаружил это окончание только в одном единственном слове: *jam'e* / < *jamai* срав. *jaqakimii* /, которое претерпело семасиологическое смешение от "что делать" или "что делает" и "оставь." Например, *jawxo jam'e* 'пусть так идет'. Вероятно, настоящее время на -*mi* - продолжает жить в уже исследованных южномонгольских диалектах.

Посмотрим теперь, что мы можем узнать о происхождении старого суффикса -*mi*. Шмидт⁶⁵ и вслед за ним также и другие исследователи /Кастрен⁶⁶, Фр.Мюллер и др./ объясняют, что *maqami*, *abumi* являются якобы стяжениями от *maqan amii*, *abun amii*, где *amii* является настоящим временем от *aqi* "быть". Что достигнуто этим объяснением, я не могу понять. Как происходит -*mi* в *amii*? Вероятно из *an amii*! Шотт и после него некоторые поздние исследователи /напр., Грунзел⁶⁷/ указывают на соответствие этого суффикса с окончанием настоящего времени -*mbi* в маньчжурском. Это противопоставление, хотя и очень привлекательно, но фонетически не выдержано. Маньчжурское *-mbi* является сочетанием одного языка от -*me* и *bi* "есть" /ср. -*mbi* "был" или возможно от -*ni* и -*bi*⁶⁹.

Предположение, что окончание в -*mi* именно глаго-

да на -m или -ma /см. именное описательное наклонение/ слилось с каким-то būi , не говорит в пользу монгольского. Тогда следует прежде всего доказать старый переход *mb->*mw->*-mu- . Тогда ми вправе и в этом случае ожидать другие подобные сближения от bū- , но такие нигде не обнаружены. Я хочу поэтому указать на другие глагольные формы из тунгусского и маньчжурского языков. В тунгусском⁷⁰ встречается настоящее продолжительное - презенс герундий на -mi / -mmin ? . -mmin / и в маньчжурском⁷¹ уже упомянутый герундий настоящего времени на -me .

В монгольском языке должны быть также обнаружены, согласно Орлову, подобные герундии, например, unumai / unumaižin / "окача /верхом на лошади/", xelemei /xelemeižin / "говоря", но в каком наречии этот герундий появился впервые, об этом он не говорит⁷². Все эти герундии интересны потому, что они являются идентичными и указывают на суффикс *-mai .

Этому конвербальному *-mai полностью отвечает окончание в халхаском jām'e , которое в свою очередь невозможно отделить от литературного -mui . Может показаться странным и даже сомнительным этимологически сопоставлять окончания, которые встречаются в формах герундия одного языка и также окончания, которые образуют предикативные словоформы в другом языке. Однако я считаю, что идентичность здесь является не более невероятным, чем в других случаях, где глагольные именные формы являются, с одной стороны, конвербальными, а с другой - предикативными⁷³. И здесь следует исходить от лежащего в основе глагольного имени на -m ? От него образовался тунгусско-маньчжурский герундий как бы с помощью звуковой дифференциации и монгольское настоящее время также -ui , которое соответствует поствокальному -qui или -qui /-xui / в окончании -zuiqui имперфективного претеритума.

Относится ли халхаское -mai больше к тунгусскому герундию или литературному настоящему времени, я не собираюсь гадать. Но мне не ясно также, что это за глагольная именная форма; но некоторое семасиологическое сходство поз-

воляет мне поверить, что им здесь имеем вариант именного описательного наклонения на $-ma$ или, вероятно, $-m /om$. об этом позже!/. Совершенно четко и ясно выступает именная природа настоящего времени на $-tui$ в примерах $kei - bu - mi - ser$ 'не дуйте' и 'не голодайте' из Дан-Чжо-минь⁷⁴, так как здесь совершенно очевидно $-ser / \sim * -sar /$ тюркского происхождения, $-siz / \sim -syz /$ 'без'. Такими именными формами являются также $teimü$, $eimü$ 'таких', орав. халхаское $tīme$, $īme$ о $-me / \sim -ma /$ и Бергус олов $tīmer$, $īmer$ о $-mer / \sim -mar /$.

Итак, я вижу в $-tui / -m$, $-tai /$ окончание тунгусско-монгольского имени, которое нашло особое /глагольное/ употребление в тунгусском и монгольском языках.

IX. Имперфектный презент

Это образование настоящего времени не получило распространения в племенном языке и примеры можно привести только из диалектов. Литературный язык характеризуется его настоящим временем на $-tui$ -, который противопоставляется современному диалекту. Так как настоящее время на $-nā$ - в литературном языке не встречается, поэтому оно получило как среди монгольских, так и европейских ученых неверное освещение. Однако эта форма настоящего времени на $-nā$ - несомненно относится к старому обивмонгольскому языковому запасу слов. В обивмонгольском языке мы встречаем $-nā / < * -nai /$, халхаское $-n$, $-na$ $-nā$, западно-халхаское также $-nā / < * -nai /$, бурятское $-na$ ⁷⁵, калм. $-nai$ или $-na /$ читай $-nā$ или $-nā$ ⁷⁶. Самым интересным кажется мне то, что для этой формы настоящего времени привести IО-II примеров из местных говоров, например, $ghar menee ebatanna =$ халха-ургинское $gar-man öwdanā$ 'моя рука болит'; $kanour che nantar =$ халха-ургинское $xān or^{1}tš'ina-ta$ 'куда Вы едете?'; $oknya =$ халха-ургинское $uχanā$ 'умирает'; $tanee nantar =$ халха-ургинское, $tānina-ta$ 'Вы знаете'; $ba reena =$

Халха-ургинское *zaiɣa* 'хватайте, поймайте' и т.д. Из других монгольских диалектов едва ли есть необходимость перечислять примеры, так как такие глагольные формы весьма распространены и известны. В монгольском письме эта словоформа имеет окончание *-nai* или *-na / -n -a /*. Я называю только вид и способ при попытке их исключения. Шмидт⁷⁷ допустил возможность образования этих обеих форм настоящего времени *maɣatui* и *maɣanam* с помощью стяжения из *maɣtan amui*. Первой форме, т.е. литературной форме *maɣatui*, как уже видели, не может быть такого объяснения, другая же форма *maɣanam* по Ковалевскому⁷⁸ должна быть эмфатической *maɣana*, т.е. *maɣana* является более слабым вариантом от *maɣanam*. Общемонгольское окончание *-*nai* намного популярнее, чем *-nam*, которое я ни разу не слышал в Монголии, хотя встречался и говорил с людьми из различных областей и мест, вместе с тем Бобровников выдает это окончание за восточномонгольское⁷⁹. В монгольских книгах я часто сталкивался с этим образованием настоящего времени на *-nam*, но такие словоформы не являются халхаскими⁸⁰. Об окончании *-nam* и его возникновении я не смог получить четкого представления. В нем /окончании/ можно увидеть контаминацию синонимов *-na* и *-m* или, по Шмидту слитное написание *-n* и слова *am / =amui /*.

Часто считают, что в *-nam -na* и местоимения *vi /я/ /-p*, *-m* во многих бурятских диалектах/ обозначает у бурят эмфатический ответ. По крайней мере необходимо расчленить формы *-nai* и *-nam* и отказаться от категорически высказанного заявления ранних исследователей, которые руководствовались фонетическими причинами, особенно говоря об исчезновении *-m* в *-nam*, которое встречается наряду с *-na ~ nã* в говорах, я рассматриваю это пока, как обогатившийся вторичный *-n*. Но если *-nam* действительно образовалось из *-am*, то нужно будет согласиться для последовательности с возможностью, что окончание *-*nai* могло образоваться самостоятельно из *-*n aju*.

Но все это объяснение не подтверждается, когда мы хотим видеть в глагольной форме слово "быть" и не имея на то достаточных оснований. Для объяснения вопроса возникновения этого окончания $-^{\ast}nai$, халхаское $-nā$, я хочу сослаться на конечные гласные других временных форм халхаского $-lā$, $wā$, $ʒā$, обратского $-nā$, $-lā$, $-wā$, $-ʒā$ /сравните, еще $-āḡā$, $āeā$, $ijā$, $-gā$ /. Нет сомнения, что здесь имеются аналогичные образования. Если бы слово $-ājā$ сохранилось в окончании настоящего времени, то воюбре должно было бы утратиться представление о сложном слове, ввиду влияния других одинаково употребленных слов. Я уверен, что звуковые соответствия временных форм имели большое значение /конечные долгие звуки, которые могли быть подвержены изменению/. Это $-a$ / $-χa$ / $\sim^{\ast}ai$ / $-χai$ / и эти глагольные формы воспринимаются поэтому как предикативные. Это является причиной того, что гласный $-^{\ast}ā \sim^{\ast}ai$ рассматривается как вторичный элемент встречающийся в предикативном положении некоторых слов, после предшествующего гласного $^{\ast}ya \sim^{\ast}yai$. И этот гласный $-ā$ становится неизбежным в предикативно употребленных словоформах. В более поздние времена этот конечный гласный /ввиду перемещения акцентуации/ подвергся сокращению, даже исчез как и в халхаском. Итак, мы проследили от $-na \sim -nai$ до именного глагола на $-n$. Вместо того, чтобы считать вместе со Имидом , что $-nai$ относится к $-n amui$, мы можем констатировать только существование именной формы на $(-n)$, и на существование этимологически нечеткого, гласного элемента, обозначающего предикатив. Употребление сложных слов как $zugun - uge, bain uge$ 'не учась' 'не учится' 'не являясь' /нет/ как отрицающий презенс /как настоящее время с отрицанием/ полностью согласуется с этим утверждением /эти словосочетания получили распространение в бурятском языке/.

Относится ли сюда тунгусский герундий настоящего времени на $-na$ ⁸¹, я не знаю, так как и в охотском имеется подобный герундий настоящего времени на $-nykan$ ⁸². Если бы этот герундий был этимологически идентичным с монголь-

ским настоящим временем, тогда бы мы имели конвербальную словоформу на $-^{\circ}na$, ср. халхаское $-mai$ ~ тунгусское $-mi$, маньчжурское $-me$.

Более подробное рассуждение о существовании именной формы на $-n$ настоящего времени, которое является по крайней мере монголо-тюркским, будет продолжено под заголовком "Конвербальные модальные глаголы".

Х. Перфектный презенс

Эта глагольная форма встречается во всех известных монгольских диалектах и всегда с тем же самым характерным значением. В различных бурятских наречиях эта глагольная форма имеет окончания $-l\ddot{a}$ или $-lai$ ⁸³, в калмыцком $-l\ddot{a}$ и $-lai$ ⁸⁴ и в говорах $-/la \sim / -l\ddot{a}$ в примерах $bil\alpha$, $beela$ /читай $bil\ddot{a}$ / был и $eera labda$ /читай $i\ddot{e}la-bda$ / 'мы пришли'. На первом эти окончания передаются через $-luga$ /~ $-l\ddot{u}ge$ / или $-lugai$ /~ $-l\ddot{u}gei$ / только в более худших рукописях позднего времени передаются через $-la$ или $-lai$ ⁸⁵. В Юн-Чо-Ми-Ши, например, $bu-lu-e$ пишется как 'был', итак, здесь мы имеем общемонгольскую форму спряжения, которая в своей более старой форме восходит к $lu\alpha$ или $lu\alpha i$. Здесь мы узнаем опять $-^{\circ}xa \sim -^{\circ}xai$, стоящие после гласного и после отделения которого мы получаем первоначальное $-^{\circ}l\ddot{u}$. С какой глагольной формой оно имеет больше всего сходства в современном языке, трудно судить об этом с точки зрения наших познаний. Вероятно, первоначальное $-^{\circ}l\ddot{a}$ - находится в этимологической связи с окончанием $-l$ именного вида: сравните, для значения: $jabul\ \ddot{u}gei$ 'не идя' или 'не пойдя' $jabultai$ 'должен пойти', $\ddot{u}k\ddot{u}del$ 'умерший, труп' и др.

Кастрен сопоставил эту глагольную форму с нерчинско-тунгусским перфектом /прошедшим разговорным/ на $-lka$ ⁸⁶. Лучшие знания тунгусского языка, чем мы имеем на сегодня, дадут возможность выяснить верно ли это сопоставление. Предмонгольская история перфектного презенса /настоящего времени/ остается пока неясной.

XI. Имперфектное прошедшее повествовательное / ИМПЕРФЕКТНЫЙ ПРЕТЕРИТУМ /

Если мы попытаемся ближе познакомиться с прошедшим повествовательным на $v\check{a} \sim vxi$, то мы должны принять во внимание современные диалекты, оставив в стороне литературный язык.

Во всех пока что известных диалектах встречается эта глагольная форма, а именно регулярно и однотипно, так что не вызывает никаких сомнений абсолютная идентичность. По моим наблюдениям бурятский язык имеет $\check{z}i \sim zi$ ⁸⁷, калмыцкий - zi ⁸⁸, чахарский - tzi , $v\check{z}i$, $-ts$. Халхаское $-v\check{a}$ упоминается Витал Сергеем как $-je$ ⁸⁹. Из наречий известны примеры $burja = \text{халха-ургинское}$, $vold\check{a}$ 'стало' и $burghaja = \text{халха-ургинское}$ $voldar\check{a}$ 'дела'. Эти старые варианты написания и произношения предполагают частично древнее $-zi$ и частично из него же расширенный вариант $-zai$, именно поэтому мы рассматриваем как общемонгольские суффиксы $-zi$, и $-zi\gamma ai$ для повествовательного прошедшего времени. Что же касается халхаского окончания $-v\check{z}i$ /и $-v\check{z}$ / то оно восходит, вероятно, к $-zi\gamma ai > -v\check{z}\check{a}$; мы имеем здесь также имперфектное настоящее время и перфектное прошедшее повествовательное время. Заметное ослабление конечного звука, которое носит более поздний характер. Является ли калмыцкое $-zi$ также собственно $-zi\gamma ai$, я не рискую это решать.

Письменный же язык, напротив, предлагает несколько уклончивую форму $-ziqui$ ⁹⁰. Форму $-zi$ без всякого можно подтвердить $-zi$ из другого диалекта, так как чередование литературного $u\sim$, разговорного i также встречается очень часто, например, $mini$ 'мой', $naian-u$ 'солнце' /родительный падеж/, $nom-un$ 'книги' халхаское $mini$, $naini$, $nom'i$, но вторичное $-qui$ остается загадочным. Невозможно, чтобы оно соответствовало долгому гласному $-a$ в конце халхаского слова. Я считаю,

что сюда, проникло и утвердилось неверное написание или чтение или по вине монгольских или наших грамматистов. Я могу привести слово $\alpha\dot{z}i\dot{z}u$, встречающееся в Даны-Час-Биши $\alpha - \dot{z}i - u$ /наряду с $\alpha - \dot{z}i - ai$ /⁹¹ и $\alpha - \dot{z}u - hu$ 'это было'⁹², встречающиеся в квадратной письменности как примеры, подтверждающие правильность известного среди монголов способа написания $- \dot{z}u\dot{z}u$. Способ написания и чтения $- \dot{z}u\dot{z}u$ поэтому неправилен, что ни один пример не дает варианта развития $-k-\chi\chi-o$ в середине слова⁹³. Способ чтения $- \dot{z}u\dot{z}u$ пришел в халхаский из какого-то южного диалекта, как это доказывает $\dot{z}u = \dot{z}u$, вместо обычного $\dot{z}u$. Для халхаского $- \dot{z}i\dot{z}ai$ следовало бы ожидать на письме $- \dot{z}i\dot{z}ai$ или $- \dot{z}u\dot{z}ai$, форма, которую мы на деле находим в Даны Час Ми-ши. Но и $\dot{z}u\dot{z}u$ возможно объяснить, если с этим сравнить $- \dot{m}u$ ~ халхаское $- \dot{m}ai$, Даны Час Биши $- \dot{z}i - u \sim - \dot{z}i - ai$, $te - u - nu \sim te - u - nai$, $te - u - no - ai$. Наряду с общемонгольским предикативом $- \dot{a}i \sim - \dot{\chi}ai$ можно поэтому принять литературный $- u$ ~ $- \dot{z}u$ / $\dot{\chi}u$ /. Что касается письменного языка, то многое остается неясным; однако ясно, что в общемонгольском $- \dot{z}i - \dot{\chi}ai$ мы имеем именную глагол на $- \dot{z}i$, специализированный в предикативной функции. Этот именной глагол на $- \dot{z}i$ унаследован в халхаском языке как конверб прошедшего времени, поэтому я хочу продолжить прослеживание этого глагольного образования.

-
- 1 Шмидт § 109, Ковалевский § 107, Бобровников § 229
  - 2 Калм. Попов § 124, бур. Кастрен § 131, Орлов § 104а. Ай-мак., например, $eeda$ 'есть', $eega$ 'иди сюда', $bu\dot{z}$ 'вставай', $ba\dot{r}te$ 'держи', ap 'возьми', $omaz$ 'вычитывай', sou 'садись' и т.д. Халха. Витале Сергей с.22
  - 3 Срав. Ковалевский. Хрестоматия. с.480, прим. II, Бобровников § 544
  - 4 См. SU, § 45

- 5 Кастрен. Бур. §131, с.44
- 6 Там же, с.51,54,56,57,61 и др.
- 7 Орлов. §104, с.63
- 8 Руднев. БЭС, с.2, сноски 3 справа
- 9 Попов. §155, с.134, Бобровников. §232, с.132. Сравн.еще Котвич. с.105
- 10 Бетлинг. §516, Замеч.1,5. Ястремской §157
- 11 SU. §49. См. также временные формы
- 12 по Орлову, §104 в селенгинском
- 13 Вместе с тем в других диалектах встречаются типы *alārai-χtun* и *alāraχtun*
- 14 Бетлинг. §516. Замечание I. И его другие предложенные как вероятные способы объяснения невозможно рассмотреть с точки зрения монгольского
- 15 Казем-бек. §§ 246,247 и 275. Кастрен. Койбальский §77, с.34. Меллор. Кирг. с.54. А.Мюллер. §68, с.78 и другие
- 16 Захаров. §153
- 17 Кастрен. Тунг. §87
- 18 Захаров. §149б и §150. прим.4
- 19 Шефнер. Сообщение. с.700
- 20 Бобровников. §257 прим., а также Бетлинг §526, Винклер /Банг/, с.22 и Котвич с.114,115
- 21 Бобровников §236 и Котвич с.105 говорят "всегда", что однако не соответствует фактам..Ср.: Витале Сергей с.60. п.2: *уаба!* с.62, п.10: *hèle* ,п.5, внизу: *оgо* и т.д.
- 22 Кастрен. Бур. §151, п.5, Орлов. §104б
- 23 См.Позднеев. Литерат.11, с.96 и с.121
- 24 См.Прескриптив, оптатив и кондиционал
- 25 Бобровников считает §572 *orkiba ci* 'не впускай!'; *saqiba ci* 'не садись'. Эти примеры, по его мнению, являются примерами особого употребления претеритума /прошедшего повествовательного /на -wъ / -ba /. Но я не могу понять, каким образом можно будет подойти от позитивного /положительного/ прошедшего повествовательного до такого негативного /отрицательного/ значения. Энклитическое добавление местоимения также не является ни в коем

случае чем-то характерным для прошедшего времени. Поэтому я вижу в этом изолированно стоящее негативное образование, которое является идентичным с тюркско-татарскими негативными. Как известно, эти формы образуются с помощью -та, но восточно-тюркские диалекты, особенно алтайский, абаканский, якутский, которые и с других точек зрения близко стоят к монгольским языкам, образуют прошедшее повествовательное с помощью -ра или -ба. Сравним с монгольскими, например, алтайский *tolobō* 'не платя'. Монгольский язык имеет из всего разряда негативного спряжения тюркских языков только повелительное наклонение. Так разве эта форма заимствована лишь только одним диалектом, именно тем, на котором написан Гэсэр хан. Или же эта форма известна во многих областях и уже стала старомонгольской формой. На этот интересный вопрос я не могу сейчас дать ответа.

- 26 Ястремской. §153, 3. Ср.: Бётлинг. §515, 4
- 27 Кастрен. Бурят. §131, с.14 "От третьего лица /повелительного наклонения/ на к образуется второе лицо множественного числа на - ktui , -ktui
- 28 Орлов §104а: "седегинский" - *χtui* , "балаганский" - *χtun*
- 29 О разговорном языке см., напр., Позднеев. Калм. хр. с.105, п.6, о письменном - Попов. I54
- 30 Ковалевский §107, с.94; Бобровников §231, с.131, сравн., также Попов §154, Шмидт §109 проводит различие между - *qdaqi* как единственным числом и - *χtun* , - *dqun* как множественным числом. Также и Ковалевский §107, примечание.
- 31 Также часто, как и сами монголы, и также Бобровников §551
- 32 Сравните, - *ā ~ uqi* в имперфекте прошедшего повествовательного наклонения
- 33 Бётлинг. §516, Ястремской §157 не желают признать эти формы, но не объясняют почему
- 34 Кастрен. Бурят. §131: "В третьем лице единственного и множественного числа повелительное наклонение принимает

- окончание k /gi ,gda / - Орлов. §104, с.65
- 35 В "Шаманские поверья" переводится с.5: нмтэ аршанага кур-
техда 'от целебного аршана удостой получить'
- 36 Кастрен. Тунгус. §77
- 37 Захаров. §150: передается как вопросительная частица
- 38 -gil~xil . См. Томсен. Орхонские с.12,15,34,41.
Мелиоранский А.Ф., с.LVII ;gir~--xil . Мелиоранский.
Кирг. I, с.62
- 39 Шмидт. §103 называет только 3 /Как будущее I, Ковалев-
ский, с.II2,2, также Бобровников § 237, I /и 2/ как же-
лательное наклонение и §234 3/ как повелительное на-
клонение. I. Правописание 4 /нигде не упомянуто/, хотя
очень распространено среди монгольских писателей
- 40 Кастрен. Бурятск. §140, сравн. с.53, nemêhâ
- 41 Шмидт. §103, после него также Ковалевский и Бобровников
- 42 Например, Êldeb kerektü qaa qaiçaaç Приложение с.34
- 43 Мелиоранский А.Ф., с.LIX, §6
- 44 Кастрен. Койбальский. с.46,48,60 и др.
- 45 Ястремской. §156, примеч.2. Бетлинг. §42I
- 46 Захаров. I5I,I. Там принято, что эти формы происходят
от вспомогательных глаголов и сказано, что они якобы со-
кращены: gaisu от gaimе озо , baisu из baime озо.
Но читатель же обнаруживает здесь пример постоянных поис-
ков "словесного материала", а именно глагол "быть", кото-
рый по более раннему /древнему/ пониманию входил в сос-
тав каждой глагольной формы
- 47 Кастрен. Койбальский. §83
- 48 Ашмарин с.324. Дана несколько уклончивая этимология.
с.314
- 49 Ястремской. §16I, с.I3I,I32
- 50 См. Шмидт. §108 и 109, Ковалевский. §113, Бобровников
§233. Неверно идентифицирована Орловым / §104, в/ фор-
ма желательного наклонения /оптатив/ с формами на -tui
- 51 Шмидт. §103
- 52 Ковалевский §112, 2
- 53 Попов §192 и §202

- 54 Бобровников §§239 и 563-567
- 55 Котвич с.105 и с.106
- 56 Бобровников § 554
- 57 Кастрен. Бурятск. § 131
- 58 Орлов §104
- 59 Витал, Сергей с.20,29,39
- 60 Аймак, фраза № 026
- 61 Смотри, например, Казем-Бек, стр.106 осм.: olum , татар. ulaim , оренб. ulaum , ulai . Бетдинг, якут. -ūm, ūm /именно, сделанная там попытка по выяснению этимологии неверна/. Томсен. Орхон. с.211, п.16, Мелиоранский, с.20, 29,39
- 62 Шмидт. § 96 и §97, Ковалевский. §108 и §174, Бобровников. §238 и Котвич. с.106
- 63 Бобровников. §565
- 64 Точно также образуется нерчинско-тунгусское сослагательное наклонение с изъявительным настоящим и -за, см.Кастрен. Тунгус. §78, сравн. также с калмыцким Попов §200
- 65 Шмидт. §96
- 66 Кастрен. Бурятск. § III
- 67 Грунзел. с.64
- 68 Захаров. §145
- 69 Вилли Банг. с.4
- 70 Кастрен. Тунгусск. §86,2. А.Шифнер. Сообщение "супинум" с.760
- 71 Захаров. §164. me в alame , fotome и др. восходят, возможно, к древнему -mai .
- 72 Орлов. §200, примечание
- 73 Сравните ниже - rā ~ xi , -wā- тюркск. -р , -на~*n /смотри следующую слоформу! / тюркск. -yas ~ монг. -at /отглагольное прошедшее разговорное/, тюркск. -ar -r ~ монг. -āgā /прескриптив/ монг.-r-ün /отлагательный прасерат. / и др. подобное
- 74 Дан-Час-миши. с.25
- 75 Кастрен. Бурятск. §112, Орлов §105a
- 76 Попов. §180, Бобровников. §238

- 77 Шмидт. §96
- 78 Ковалевский. §108
- 79 Бобровников §238, примечание. Эта справка заимствована, однако Ковалевским
- 80 Кастрен / §112/, Фр.Мюллер и Витал Сергей заимствовал свои взгляды у ранних грамматистов
- 81 Кастрен. Тунгусск. §86, I
- 82 А.Шифнер. Приложение, с.700
- 83 Кастрен. Бурятск. §116, Орлов. §105, б
- 84 Попов. §183
- 85 Шмидт. §101, Ковалевский §110, Бобровников §241, Котвич с.107
- 86 Кастрен. §88. Соответствующий перфект не имеет ничего общего с охотским произношением, поэтому мы можем также допустить здесь наличие монгольского влияния
- 87 Кастрен. Бурятск. §117
- 88 Попов. с.181, Бобровников §212
- 89 Витал Сергей. с.30
- 90 Шмидт §101, Ковалевский §110, Бобровников §§ 242 и 583--600
- 91 Позднеев. Рецензия с.190
- 92 Позднеев. Лит. II, с.96,97
- 93 Такие замены в начале слова у заимствованных слов обоснованы: например, монг. *kituqa* - обр. *ituqa*, тунг. *utka*, *utika*, монг. *kumaldurca*, монг. *ogin* - маньчж. *ogin*, монг. *qobur* /'нос'/